

логически нерелевантной реальности: историк более не исследует историческую реальность через исторические свидетельства, но исследует свидетельства как готовые, т. е., в сущности, автореференциальные интерпретации прошлого. Анкерсмит, развивая уже указанное противопоставление модернистской и постмодернистской историографии, пишет о том, как трактуется историческое свидетельство: «...для модерниста свидетельство есть плита, которую он снимает, чтобы увидеть, что лежит под ней, для постмодерниста, напротив, это — плита, на которую он ступает для того, чтобы двигаться к другим плитам» [2, с. 330]. В этом отношении в связи с произведением Корнеля вполне можно говорить именно об *историографическом* метанарративе, использующем исторические тексты как свидетельства утраченной реальности комментируемого текста. В этой связи и линейное чтение якобы нелинейного текста, уподобляемое путешествию по лабиринту, есть не только поиск рая, понимаемый как тщетный (в условиях непрозрачности нарратива и его своеобразной рефлексивности) поиск прошлого, но и как тщетный поиск вообще иного времени, нежели само время чтения, ибо проспективная направленность (поиск лабиринта как небесного Иерусалима, рая) приравнивается здесь направленности ретроспективной (поиск лабиринта в различных текстах, выступающих в роли самых настоящих исторических источников или свидетельств в смысле Анкерсмита), при том, что ни та, ни другая не могут быть в полной мере реализованы, и читатель остается замкнутым в имманентном процессе чтения, пространственно-временные характеристики которого (порядок расположения комментариев и иллюстраций, языковая ткань текста) суть не только условия чтения, но и само его содержание.

Примечания

1. Корнель П. Пути к раю: Комментарии к потерянной рукописи. СПб., 1999.
2. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003.

© Тиунова М. Н.
г. Екатеринбург

О ПСИХОЛОГИЗМЕ В РАССКАЗЕ МАРГАРЕТ ЭТВУД «ВОСХОД СОЛНЦА»

Рассказ «Восход солнца» канадской писательницы Маргарет Этвуд (род. в 1939 г.) вошел в сборник ее рассказов «Яйцо синей птицы» (1987). Главная героиня рассказа Ивон живет в Торонто, занимается живописью. Ее последнее увлечение — рисование портретов мужчин. Повествование сосредоточено вокруг нее. Что же мы можем узнать о внутренней жизни созданного воображением М. Этвуд женского образа?

Писательницей, отлично зарекомендовавшей себя в качестве создательницы стихов и романов, на этот раз выбран жанр рассказа. Как известно,

рассказ характеризуется «композицией замкнутого повествования, сгруппированного вокруг определенного эпизода, события, судьбы» [1, с. 880]. Здесь в центре внимания — судьба не гениальной художницы, а женщины, которая рисует. Автор заявляет: «Возраста Ивон никто не знает», — и не старается открыть точное число лет своей героини, а затевает игру: «Она [Ивон] выглядит на тридцать, а платье на ней, как у двадцатилетней, хотя подчас ей можно дать сорок, но одета она, словно ей пятьдесят. Возраст Ивон зависит от освещения, туалета — от настроения, настроение — от того, на сколько лет она сегодня выглядит, последнее, в свою очередь, зависит от освещения». Тайна так и осталась. Очевидно, такой прием использован Этвуд, чтобы представить еще не определившуюся героиню.

История человечества постоянно повторяется, и с каждым человеком происходит подобное тому, что бывает и с другими людьми. Подобное моральное разложение общества, о котором мы узнаем из рассказа Маргарет Этвуд, было характерно и для всего языческого мира в конце истории так называемого Ветхого Завета. В Римской империи под влиянием распространившихся сочинений греческих философов усилилось разочарование в своих богах, которых греки именовали «измышлением детского разума» [2, с. 364]. А. П. Лопухин говорит о том, что в конце ветхозаветной эпохи «началось томительное искание истинного Бога, и в поисках перебраны были все известные тогда религии и культы» [Там же, с. 364].

Он также пишет и о пагубном влиянии этих ложных верований: «Вместе с языческими культами Востока в Рим вторгнулся и тот безразличный тлен, который был неразлучен с ними. Отсюда началось ужасное общественное разложение, приводившее лучших людей к отчаянию. Не видя никакой отрады в настоящем и потеряв всякую веру в будущее, люди задыхались от духовной пустоты и искали себе исхода или в безумных оргиях наслаждений, или же в самоубийстве, которое сделалось самым обычным явлением» [Там же, с. 364].

На примере героини современного нам произведения мы видим, что, с юности предавшись поклонению ложным богам, заразившись верой в фаллические культы, она также задыхается от духовной жажды. О печальной участи таких людей писал апостол Павел: «Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца... И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, злобы, исполнены зависти, обмана, самохвалы, горды. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти» (Рим. 1, 25, 28–32) [3].

Все эти черты можно наблюдать и в образе Ивон. Она способна на обман (оставляет квартирным хозяевам пустой конверт, говоря, что там указано, где ее искать в случае долгой задержки). Ее ум заполнен блудными помыслами. Заготовки карточек с забавными историями для поддержания разговора явно не говорят в пользу ее правдивости. Из повествования обнаруживается и тайный предмет ее гордости, а именно: «Она согласна

держат пари на десять долларов, что он [мужчина-модель, по-видимому, тоже художник] не умеет рисовать пальцы. У самой Ивон пальцы получаются превосходно». Неудивительно, что у Ивон нередко возникали мысли о самоубийстве, о чем мы узнаем в самом конце рассказа.

В душе художницы мы наблюдаем тот же конфликт между разумом и верой, что и у героини повести А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “соловиный глаз”» английской фольклористки Джиллиан Перхольт [см. 4, с. 199]. У Ивон явно главенствует разум, все ее действия логически просчитаны, люди в основном знают, что от нее ожидать (эта черта ее характера становится нам известной из суждений о Ивон ее квартирных хозяев, Эла и Джуди). Ей нужно было пройти сложный жизненный путь, жить среди людей, но фактически в одиночестве, чтобы хоть раз в жизни остановить свою мысль на том, что гвоздика может быть символом Святого Духа. Углубиться в теологические размышления она, конечно, не смогла, потому что для этого нужен своего рода благочестивый навык.

К сожалению, сама Ивон не осознает своей духовной нищеты. Она слишком сосредоточена на себе, поэтому все ее попытки проникнуть в души других людей, в частности ее моделей-мужчин, не оправдывают ожиданий, хотя сама она мнит, будто приступая к портрету очередного мужчины, она «намерена покуситься на его душу — ну, не на всю душу, разумеется; однако даже крохотный кусочек не так легко заполучить».

Хотя из ее рассуждений о ее прежних кумирах можно судить о некоторой эволюции сознания героини, все же остается признать, что выше плотских мудрований она не поднялась. Если раньше Ивон боготворила Ренуара, то в более зрелом возрасте она признается себе, что «его знаменитые обнаженные... представляются ей сегодня безвкусными и неинтересными».

Ее внимание покоряет другой художник — Хольбейн, а именно портрет Георга Гиссе его работы. Из несобственно-прямой речи мы узнаем, как воспринимает героиня работу мастера: «В глазах Георга отсвет глубокой тайны, на губах живой влажный блеск, вокруг символы его духовной жизни. На столе стоит ваза, олицетворяющая тщету и суетность земного бытия, в вазе — гвоздика. Символ Святого Духа. Или, быть может, обручения?..» Снова, как и в повести Байетт, мы встречаем в сознании героини смешанность понятий и жизненных ценностей. Как только героиня начинает задумываться о божественных предметах, тут же в ее размышления вторгаются суета, тщета, ропот, недовольство недостаточным раскрытием своих способностей, непризнанностью своих талантов.

Возраст Ивон скрыт от нас автором при помощи словесной игры, по-видимому, чтобы потешить тщеславие героини. Однако из всего повествования, изобилующего ретроспективными эпизодами, можно догадаться, что Ивон уже немолода, так как она не раз влюблялась, обжигалась, работала официанткой, увлекалась наркотиками, при расставании с очередным возлюбленным были и «истерические телефонные звонки, и разбитая посуда, и яростные обвинения, и слезы». Потом и из этого Ивон выросла.

Композиция рассказа «Восход солнца» построена по всем законам жанра. Сначала — завязка, которая начинается со следующей фразы: «Ивон охотится на мужчин», — затем объяснение: «Когда наступает подходящий момент, она убыстряет шаг... приближается к мужчине. Произносит она всегда одни и те же слова: — Извините, пожалуйста. Это может показаться странным, но я хотела бы написать ваш портрет. Только не думайте, что я с вами заигрываю».

Далее, используя прием ретроспекции, автор повествует о творческой биографии Ивон. Начиная она весьма скандально и даже приобрела прозвище «фаллос-леди», которое ей скоро прискучило, и она «залегла на дно». Здесь также повествуется о ее быте и привычках, о квартире, которую она снимает у молодой четы Эла и Джуди, об этой супружеской паре и их взаимоотношениях с Ивон. Это то, что происходило с героиней когда-то и стало прошлым, и то, чем она живет сейчас.

Тут мы узнаем, что порой уверенную в себе и расчетливую женщину Ивон преследует безотчетный страх, который гонит ее поскорее укрыться у себя дома: «...она почти бежит... и падает на кровать в тот миг, когда водяная тьма с силой обрушивается ей на голову, вырывая из рук подушку, лишая зрения и слуха. Над ней и вокруг нее полный хаос, она сама в смятении и страхе, и все же испуг ее не слишком велик... Ивон не понимает, почему такое случается. Ничто это не провоцирует, ничто не предвещает. Просто что-то беспричинно нападает на нее, как чиханье. Тут есть связь с химией, думает она». Естественно, рационально мыслящим автору и героине трудно представить, что таким может быть влияние невидимых духов на душу человека. Вообще, это обычное состояние каждого человека после грехопадения нашего праотца Адама, который, по словам святителя Феофана Затворника, «через грех расстроил себя и вместо радости и веселья наслаждался смятением и страхом» [5, с. 357].

Наконец, течение рассказа подходит к кульминации. Это показано при помощи перемещения действия в данный момент: «Сегодня она [Ивон] затракует в обществе мужчины, чьи ключицы вызывают у нее восхищение, точнее, вызывали — когда были доступны». В разговоре Ивон сначала удается вести себя сдержанно, однако происходит это благодаря тому, что она лишь изображает слушательницу, а на самом деле она погружается в рефлексию их взаимоотношений. «Выслушав» все, Ивон «выкладывает заготовленную шутку», на самом деле это весьма бесстыдный вопрос, который характеризует женщину не с лучшей стороны. Теперь она производит впечатление, будто ничто на свете ее не волнует. На вопрос собеседника, откуда у нее столько энергии, Ивон отвечает не сразу. В ожидании ответа автор замедляет повествование, описывая, как «Ивон опускает глаза в тарелку», содержимое тарелки, желание коснуться руки мужчины, воспоминание, что «когда-то она с упоением шла на риск». Наконец, «Ивон поднимает глаза и улыбается».

— Секрет мой вот в чем: каждое утро я встаю, чтобы увидеть восход солнца».

В этих словах прорывается искренность, а затем снова вступает в права привычное кокетство как со стороны автора, так и Ивон. «Это действительно ее секрет, хотя и не единственный, но именно он выставлен сегодня на обозрение. Ивон внимательно изучает лицо собеседника: поверил или нет? Кажется, поверил. Что ж, это естественно: именно такой она ему и представляется... Когда счет приносят, Ивон платит половину». Создается впечатление, что автор и Ивон заодно. Обе они намерзливы, но и печальны одновременно. Герои прощаются, Ивон направляется домой.

Остаток дня она проводит над новым портретом. Примечательно, что обычно «она рисует мужчин, не выходящих за рамки определенного стандарта: они более или менее пристойно одеты, у них, если спросить, приличная, уважаемая в обществе работа, а разница в возрасте с ней небольшая. Этот мужчина совсем не такой». Ее новый гость по виду напоминает ей человека, принадлежащего к художественной среде, а прежде Ивон таких мужчин избегала.

Этот молодой мужчина впервые открыл ей глаза на то, что ее искусство — это «искусство, которое высасывает». Эта произнесенная «со злобным свистом» фраза заставляет Ивон задуматься: «Если искусство высасывает, а самое главное — это искусство, что же тогда она сделала со своей жизнью?» Очевидно, что искусство стало для Ивон суррогатом жизни. Она придумала себе ритуал получения частицы каждого мужчины через написание его портрета, но смысла жизни так и не постигла.

За этим эпизодом следует немного шокирующая развязка. Оказывается, когда-то Ивон методично готовилась покончить жизнь самоубийством. С тех пор прошло достаточно много времени, «Ивон стала забывать о своих тайных приготовлениях», однако «лезвие бритвы всегда незримо присутствует в доме.. Это дает ей возможность держать под контролем свою смерть». Но оказывается, что и это лишь фетиш, которому придается неоправданно большое значение.

Финал рассказа открытый, он содержит рассуждения Ивон, переданные автором, о том, что восход солнца, который она ждет каждое утро, — «не реальное явление, а только световой эффект», т. е., «чистый обман», но, выбрав себе такую философию, она тем не менее по утрам «стоит, крепко держась за деревянные перила своей “прогулочной палубы”, чтобы не вскинуть руки в минуту, когда над горизонтом всплывает солнце». Последнее тщательное описание встречи Ивон и солнца показывает, что душа этой женщины, как и любая душа, стремится к правде, а Солнцем Правды именуется Христос, поэтому мы можем сказать, что и эта грешная душа стремится ко Христу (ведь Ивон выбирает жизненно важной для себя ценностью встречу солнца, а не любование луной или звездами или обожествление какого-либо дерева и т. п.). Такой вывод может показаться неожиданным, но здесь мы опираемся на слова христианского апологета IV в. Тертуллиана, который утверждал, что «душа по природе христианка».

М. Этвуд удалось с помощью скупого повествования, обращения к памяти героини, опыту, вынесенному ею из разных жизненных ситуаций, «сжать

собственное время действия до нескольких часов» [6, с. 488] и действительно показать судьбу своей героини. Субъектная организация данного текста характеризуется как «типовая» для жанра рассказа. Здесь автор ведет основную сюжетную линию, рассказывает все о своей героине. Причем Этвуд повествует о ней спокойным, но не равнодушным тоном. Лексическое наполнение неспешных фраз показывает, что героиня вполне удовлетворена своей жизнью, но автор намекает на существующую дисгармонию в ее душе.

При использовании классической формы рассказа Маргарет Этвуд представляет образ женщины, которая пытается поставить мужчин в зависимое от себя положение, но удовлетворения и счастья ей это не приносит, так как не осуществляется контакт, непонимание не преодолено. Творчество ее тоже не удовлетворяет, как беспристрастно констатирует всеведущий автор, «на самом деле у Ивон довольно мало работ, если не считать мужских портретов; этих портретов у нее собралось изрядное количество, но она еще не знает, как с ними быть». Анализируя судьбу героини рассказа «Восход солнца», мы убеждаемся в непреложности слов Спасителя нашего Иисуса Христа: «Кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12, 30) [3].

В общем, состояние души Ивон можно охарактеризовать как состояние ветхозаветного языческого мира перед пришествием Спасителя, воплотившегося Сына Божия — Иисуса Христа. В финале рассказа дается некоторая надежда на то, что душа Ивон может воскреснуть, ведь лезвие бритвы для нее «всего только своеобразное *memento mori*», благодать Святого Духа изливается повсюду, даже с портрета Георга Гиссе в ванной комнате Ивон, она интуитивно знает, что источник жизни надо искать на востоке, и все же есть опасность, что солнце может стать еще одним ложным богом для этой женщины.

Примечания

1. Нинов А. Рассказ // Краткая литературная энциклопедия. М. 1971. Т. 6. С. 880–882.
2. Лопухин А. П. Библейская история Ветхого Завета. Монреаль, 1986.
3. Библия.
4. Тиунова М. Н. Нравственные уроки, предлагаемые повестью А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “соловиный глаз”» // «Радуйся, Заступнице усердная рода христианского»: Сб. материалов Первой Всеросс. науч.-богослов. конф. (с междунар. участием). Екатеринбург, 2005. С. 198–204.
5. Феофан Затворник, св. Внутренняя жизнь: Избр. поучения. М., 2001.
6. Роднянская И. Художественное время и художественное пространство // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 487–489.